

ПАМЯТИ ВЛАДИМИРА СЕМЁНОВИЧА...

СЕГОДНЯ — ДЕСЯТЬ ЛЕТ СО ДНЯ СМЕРТИ В. ВЫСОЦКОГО

Нельзя мерить стихи Высоцкого строго каноническими мерками. Настоящий поэт, он подражал самой жизни, или жизнь подражала ему.

В обычном представлении стих Владимира Высоцкого далек от классического совершенства. Можно сказать, что его стихи совершенны в их преднамеренном несовершенстве. Они живут затаянно, в несколько условном, иногда сказочном мире поэта. Важны в них не столько слова, сколько то, чем они внушены. Его песни несут заряд особой энергии. Их померкшая шероховатая, фуганок здесь повредил бы, изуродовал фактуру. Музыка в стихах Владимира Высоцкого возникла и звучала, продолжая звучание слова и предвосхищая его. И не случайно почти любое его стихотворение чревато песней. Но что-то превыше размера поет внутри сложной и капризной строфы, рождая мелодию.

Это редчайший дар.

А. МЕЖИРОВ.

Николай ШАМСУТДИНОВ

ПИСЬМО К ТЕБЕ

Чтоб разрешались
гульбой и болью,
Во искупление? —
ты возник,
Словно страну,
отразив судьбою (собой)
Страшный феномен —
посмертных книг.
Лик, обтекающий,
словно пламя,
Непререкаемый
свод ночей,
Не отпускает,
коробясь, память
Над поминальной
свечой слепой.
Кущею — правда была,
несытой —
Жизнь...
Только вспомнил я
в горький миг,
Как он ТЕБЯ мне читал,
он, сын твой...

Мученик грустных
посмертных книг,
Впитав, как почвой,
смурной страной,
Линнейный, хлыщущий
голос твой.
Но измерима ль страна —
струною
Исповедальной,
меж тьмой и тьмой?
Неискупимое,
время тлеет —
Поздние лавры
больней вериг —
В обезглавленных
мавзолеях
Неискупимых
посмертных книг.
Вдрыг расшибаясь,
Созданье Божье,
Как ты, измучив
гитару, жил

С кровотокающим,
содранной кожей?
Жил — выбиваясь,
язгой, из сил...
И — бытие затекло
ткетом.
Но к откровенным
твоим принципам
Я, захлебнувшийся немощью
У виноватых
посмертных книг.
Непостижимый
заложник дхармы,
Иже неслил ты года свои,
Ведь сокровенным
колым, как храмы,
Поздние книги —
стоят на крови.
Словно виновная,
память ангела
Буквица боли.
Гитара в крик...
Кто, отражаясь страной,
закроет
Горькие святцы
посмертных книг?!

ТРУПНЫЕ МУХИ

Этот пролил талант,
тот зарылся в уют...
Вроде выдались темы,
и выдохлись слухи,
А ему и за смертной
чертой не дают
Отдыхаться от сутолов
трупные мухи.
Захлебнулась — плачущая
— чадом свеча,
Но по-прежнему тянутся
смертные мухи
За слепую черту.
А вокруг, топоча,
Наследили по памяти
трупные мухи.
По колену в застуженной
Лете бреду,
И как жар в воспаленной
нощи — или нощи? —
Поднимается бред,
И нет брода в бреду,

И, на дно опускаясь,
сознание ропщет.
А когда поднимаю
обутленный взгляд
И срываю компрессы,
плевав на резоны,
Вижу — трупные мухи
роются, жуужнат,
Отжимая от жизни его,
в микрофоны,
Стынет, словно слеза
на щеке у слепца,
Горевая гитара.
Ну, так отгоните,
Неофиты певца,
трупных мух от лица!
Исповедуя истину, —
ей помогите.
В поминальном граните
плечо затекло,
Просочилось бессилие
в пальцы.

С собою,
Не ревнуя, оставьте
его одного,
Одного — с непроглядной
судьбой.
...Заморожена ливнями,
растворена
В листопадах страна,
В Андижане — заминка.
Но как будто струна,
звоном воспалена,
В багреце неуемном
не гаснет тропинка
К безутешной могиле...
А синь молодца!
Холод чист!
Свежим холодом —
что мы — старухи? —
С упоением дышитесь,
ведь в холода
Мрут, как вы понимаете,
трупные мухи...

ДЕСЯТЬ ЛЕТ НАЗАД

Замордован мастью,
В мученики
вмят,
Захлебнулся пустотой
Десять лет назад.
Истопленный,
«непопутный»,
Грохотал струной
Над страной
беспобудной,
Норовистый,
сильный голос,
Неподкупный взгляд.
Да ведь защемили
голос
Десять лет назад!..
Как ладошь последней
лапки,
Вдоль щеки
к скуле —

Влажный сдвиг
посмертной маски
На слепом столе.
Отторгаемый,
меж нами
Выпущенный
черновиками —
Много ли сказал?
Глухо в прессе,
точно в морге...
Одинок и сир,
Не стерпев,
петит «Вечерки»
Просочился в мир.
Но молчанием одеты,
Неусыпны,
бдят
Миллиейские пикеты —
Десять лет назад...
Гул толпы. Софиты.

Слезы.
Блины.
Через лоб —
Только вспыхивая
белой розой,
На прощанье —
в гроб.
Замордован
в «сорок с лишним»,
Норовист я смел,
Что, представ
перед Всевышним,
Ты — отпущен — смел?
Не слова в надрытом
горле
Стопнут и кричат —
Ад в ТЕБЕ!
И — опазмы боли
Десять лет подряд...

Фото из архива Валерия МАТВЕЕВА.

Михаил АНТОХИН

Мы слепы и глухи
к своим порокам.
Гордыней гордо
попираем честь.
И, как всегда, —
безжалостны к пророкам,
которые, дай Бог,
в России есть.
Мы любим суесловье
и помпезность.
И, не отмывшись толком
от дерьма,
на ближнего
глядим, как
на ущербность,
не проявив ни такта,
ни ума,
и поучаем:
Так-то, мол, и так-то!
Как пес цепной —
указующий перст.
А если кто-то
выбьется из такта,
перст обозначит
и поставит крест...
Казалось — все ребячество
и грубость
казалось — скомороший
карнавал...
А он, хрипя, указывал
на глупость
и даже адрес
точный называл.
Он нас будил,
он звал прозреть,
собраться,
и, пока время
не ушло еще, —

а неразберихе нашей
разобраться,
и ценностям назначить
пересчет.
Он струны рвал,
чтоб до глухих донестись
на деку
нерв
накручивал жгуты!
Что струны...
Разорвался даже
сердце,
не прокричав
державной глухоты.
И были оскорбленья
и скандалы,
и в каждом учреждении
— ликбез...
Когда смеялись мы —
душа его рыдала,
не находя в нас
отклика себе.
Подверженный
негласному гонению,
во все колокола
души стуча,
не мог он оставаться
просто тенью —
поскольку
совесть
же могла молчать.
Как будто
и свободный,
и в опале:
на каждый шаг —
то виза, то печать...
Его —
не то, чтобы

не замечали...
умышленно хотели
замолчать!
Какие не пускали
только сплетни,
что только
не усматривали в нем!
Научимся ли думать мы
передним —
не задним,
разложившимся умом!
Не так поющих — мигом
в морг и в печку;
строптивых — в бокс,
в железную узду!
Отечеству обходится
в копеечку
такое разбазаривание
душ.
Какая-то нелепая
традиция
отлетится с незапамятных
времен:
при жизни
жизнью их
надо б гордиться,
мы ж эту жизнь
до срока оборвем.
Потом, о Боже! —
хватимся, да поздно.
Ломаем руки,
волокем венки...
Они уже идут по пыли
звездной
и — наплевать им
на восторг наш слезный
и на излом
предательской руки!

Подготовке этой страницы было посвящено специальное заседание литературного клуба «Северный огонек».